

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a soldier in a red and black tactical suit with a backpack and a rifle is seen from behind, looking towards a massive industrial structure built into a snowy mountain. The structure has multiple levels, scaffolding, and a small vehicle or helicopter is visible in the air nearby. The scene is set in a high-altitude, mountainous region with snow-covered peaks and some autumn-colored trees in the lower foreground.

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Восхождение

18+

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Восхождение

<https://litres.ru/74185267>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она выжила там, где не выживают. Она поднялась там, где не подняться.

Запретка убивает всё живое. Но Анка дошла до Вертикали через кислотные дожди ,ультрафиолет и мутантов, босиком, с ножом и гайкой на верёвке. Теперь у неё есть автомат, счёт в банке и место в отряде легендарного Артёма «Ноля».

Их ждёт экспедиция через мёртвые земли — договариваться с другими башнями, искать нефть и оживлять танки, которым поклоняются как богам. Но в команде — предатель. А из внешнего мира подбирается враг, который не берёт Марок — он берёт только кровь.

«Чешуйка» Восхождение. — дизельпанк-роман о деньгах, стали и девочке, которая стала сильнее системы. Для фанатов «Безумного Макса» и тёмных миров, где за всё платят кровью.

Третья книга из цикла Вертикаль ,можно читать как самостоятельный Роман.

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Восхождение

ГЛАВА 1. ПЕПЕЛ

1

Анка проснулась от кашля Лёньки.

Это был плохой кашель — не тот, которым дети отвечают на пыль, поднятую ветром, а глубокий, влажный, булькающий где-то в груди. Такой кашель мать называла «споровым». Анка слышала его много раз. Сначала кашлял отец, перед тем как уйти с чешуйниками и не вернуться. Потом — мать, полгода назад, перед тем как перестать дышать.

Теперь — Лёнька.

Она откинула рваное одеяло, сплетённое из высушенной грибницы и обрывков технички, и села. Землянка тонула в предрассветном полумраке. Свет сочился только через входной лаз — серый, пыльный, неживой. Анка потянулась к очагу, сложенному из ржавых обломков, и подула на угли. Они вспыхнули оранжевым, осветили стены: утрамбованная глина, кое-где укреплённая листьями ржавого железа, пучки сушёной грибницы под потолком, материн плащ на крюке. Плащ пах дымом и сухой плесенью — запах, который Анка всегда связывала с безопасностью. Теперь он пах только памятью.

Лёнька лежал в углу, на куче тряпья. Ему было восемь.

Тощий, с выпирающими рёбрами и огромными серыми глазами — такими же, как у Анки. Его кожа была бледной, почти прозрачной, и на висках пульсировала синяя жилка. Он смотрел на неё и пытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой — губы потрескались, в уголках запеклась кровь.

— Я не нарочно, — прошептал он. Голос был сиплым, как шелест сухой грибницы на ветру. — Оно само.

— Знаю. — Анка опустилась на колени и приложила ладонь к его лбу. Кожа была горячей и липкой — слишком горячей, слишком липкой. Она чувствовала, как под пальцами бьётся его сердце — быстро, неровно, как пойманная птица.

Она встала и начала собираться. Делала всё молча, машинально, как делала сотни раз: натянула комбинезон из грубой технички, латаный-перелатаный — ткань была жёсткой, пахла золой и потом; проверила нож на поясе — лезвие, сточенное до тонкой полоски, холодное и скользкое от утренней росы; пересчитала запасы. Воды — две фляги. Еды — семь полосок вяленой грибницы, твёрдых, как подмётка, и таких же безвкусных. Амулет-гайка на шнурке — единственное, что осталось от отца. Она сжала его в кулаке, чувствуя, как холодный металл впивается в ладонь, постояла так и спрятала под комбинезон.

Снаружи донёсся звук ветра — низкий, заунывный вой, от которого мелко дрожала глина стен. Ветер в Запретке никогда не молчал. Он пел на разные голоса: то басовито, как старый чешуйник, то пронзительно, как тихушник перед ата-

кой. Анка с детства научилась различать его оттенки. Сейчас ветер был «пустым» — ровным, без порывов. Это значило, что кислотной бури не будет. По крайней мере, до вечера.

— Куда ты? — спросил Лёнька.

— К чешуйникам. За лекарством.

— Это далеко.

— Я быстро.

Она не сказала ему, что у чешуйников нет лекарства от споровой лихорадки. Что мать пила настой из плесени и жгла травы — горький дым заполнял землянку, ел глаза, но не помог. Что отец ушёл на восток три года назад, взяв с собой только нож и флягу, и не вернулся, и никто не знает, жив ли он. Она вообще не говорила Лёньке лишнего. Он был ребёнком, а детям нужна надежда.

Серый свет за входным лазом стал чуть ярче — рассвет в Запретке был не событием, а просто сменой оттенка серого. Анка выглянула наружу. Пепельные поля расстилались до горизонта — ровные, серые, покрытые спекшейся грязью, твёрдой, как бетон, и испещрённой трещинами, в которых росла редкая грибница. Ветер гнал по равнине облака кислотной пыли — мелкой, едкой, от которой першило в горле. Вдалеке, на востоке, темнели руины пригорода — остовы зданий, похожие на гнилые зубы. Где-то там был лагерь чешуйников.

Она знала дорогу. Она знала все дороги в радиусе трёх дней пути. Этому её научил отец.

— Смотри, Анка. Видишь?

Отец сидел на корточках у края высохшего русла. Ей было девять. Ветер трепал его седые пряди, а он показывал на грязь — тёмную, маслянистую, пахнущую ржавчиной и солью.

— Следы. Три пальца с когтями. Это чешуйник. Шёл на восток, вон туда, к старой насосной станции. Нёс что-то тяжёлое — видишь, как глубоко продавлена грязь? Края следа осыпаются — значит, прошёл сегодня утром. Если бы вчера — края были бы гладкими, ветер сглаживает.

— Зачем нам знать, куда он шёл? — спросила она, кутаясь в отцовскую куртку — слишком большую, пахнущую машинным маслом и дымом.

— Чтобы не встретиться с ним, если он опасен. Или чтобы встретиться, если он полезен. — Отец поднялся и вытер руки о комбинезон. На правой руке у него не хватало мизинца — культия была гладкой, затянутой старой кожей. — Чешуйники разные бывают. Одни торгуют, другие убивают. Если научишься читать следы — всегда будешь знать, с кем имеешь дело.

— А если следов нет?

— Тогда слушай ветер. Ветер приносит запахи. Запах масла — значит, рядом машина. Запах гнили — значит, рядом плесневик. Запах дыма — люди. — Он помолчал. — Но помни: ветер может обмануть. Он кружит у руин. Запах ды-

ма может идти с востока, а костёр — на севере. Всегда проверяй.

— А если ветра нет?

— Тогда смотри на грибницу. Если примята — кто-то прошёл. Если сорвана — кто-то собирал. Если нетронута — здесь давно никого не было, и это хорошее место для ночлега. Но не расслабляйся. Тихушники не оставляют следов на грибнице. Они ходят по камням.

Он наклонился и поднял с земли ржавую гайку — тяжёлую, с забитой резьбой. Протянул Анке.

— Держи. Это амулет. Будешь носить — не потеряешься.

— Ты в это веришь? — она с сомнением повертела гайку в пальцах. Металл был холодным и шершавым от ржавчины.

— Нет. Но когда я держу его в руке, я помню, что должен вернуться. Этого достаточно.

Она сжала гайку в кулаке. Острая грань впилась в ладонь.

— А если ты не вернёшься?

Отец долго смотрел на неё. Ветер выл над руслом. Пахло солью и пылью.

— Тогда ты будешь знать, куда идти. Ты уже умеешь читать следы. Скоро научишься торговаться. А потом — выживать. Выживание — это тоже ремесло. Самое важное.

Он отвернулся и пошёл вдоль русла. Анка смотрела ему в спину — широкую, сутулую, с проступающими лопатками. Она не поняла тогда. Она поняла позже.

К чешуйникам она добралась к полудню.

Солнце — мутное пятно за серой пеленой — стояло в зените. Анка шла быстро, не останавливаясь, и к полудню её комбинезон пропитался потом. Воздух был густым от кислотной взвеси, каждый вдох царапал горло. Она привыкла к этому с детства — лёгкие жителей Запретки были другими, более жёсткими, покрытыми тонким слоем слизи, защищавшей от химии. Но всё равно к вечеру начинался кашель. У всех. Всегда.

Лагерь чешуйников располагался у старой насосной станции — ржавого здания с провалившейся крышей, вокруг которого чешуйники разбили шатры из обрывков брезента и листового металла. Пахло дымом, горелым маслом и чем-то сладковатым — так пахли чешуйники, когда линяли. Этот запах Анка узнала бы из тысячи: приторный, как гнилые грибы, но с металлическим оттенком. Он въедался в одежду и не выветривался днями.

Их было около трёх десятков. Взрослые — покрытые серо-зелёной чешуёй, с костяными гребнями на головах. Чешуя на плечах у старых воинов была толстой, с наростами, похожими на ржавые наплавы на металле. У детей чешуя была мягче, тоньше, почти прозрачная по краям — она шелестела при движении, как сухая листва. Они носили одежду из грубой технички, обшитую кусками резины и металлическими пластинами, и двигались с той особой, чуть скованной грацией, которую даёт жизнь в кислотной среде.

Анка подошла к костру старейшины. Тот сидел на ящике из-под патронов — огромный чешуйник с гребнем, выкрашенным в ржавый цвет, и пластинами брони, вживлёнными прямо в чешую. От него пахло дымом, старым маслом и той самой сладковатой линькой. Его жёлтые глаза с вертикальным зрачком смотрели на неё оценивающе, не мигая.

— Мягкая пришла, — прогудел он. Голос был низким, с лёгким скрежетом, как будто говорил не горлом, а всем телом — чешуя на горле вибрировала в такт словам. — Зачем?

— Лекарство, — сказала Анка. — От споровой лихорадки. У меня брат болен.

— У нас нет лекарства.

— Тогда дайте то, что есть. То, чем вы лечите своих.

Старейшина долго смотрел на неё. Вокруг гудел лагерь: трещал костёр, звенел металл, кричали дети-чешуйники, играя в какую-то свою игру. Пахло дымом и варевом из котла — густым, мясным. Анка стояла не шевелясь.

Старейшина издал звук — не то смех, не то кашель. Чешуя на его плечах зашуршала, как ржавые пластины.

— Ты смелая, мягкая. Пришла одна. Не побоялась.

— Я боюсь за брата. Это сильнее.

Он кивнул — медленно, тяжело. Жестом подозвал молодого чешуйника. Юноша с ярко-рыжим гребнем и живыми, любопытными глазами подошёл быстро, бесшумно — чешуйники вообще двигались тихо, их ступни с мягкими подушечками гасили шаги. Искра. Тогда он был просто под-

ростком, который помогал старейшине, носил воду и раздувал меха для очага. Анка запомнила его взгляд — не враждебный, как у других, а изучающий. Как будто он видел в ней не просто «мягкую», а что-то ещё.

— Дай ей настой плесени, — сказал старейшина. — Красный корень. Может, поможет. Может, нет.

Искра принёс мешочек — грубую ткань, пахнущую травами и чем-то горьким. Анка взяла его. Ткань была тёплой — видимо, хранилась у очага.

— Что ты хочешь взамен? — спросила она. Отец учил: никогда не бери даром. Дар создаёт долг. Долг — это петля, которая затягивается.

Старейшина снова зашуршал чешуёй — на этот раз дольше. Казалось, он размышляет.

— Ты торгуешься. Хорошо. Мягкие должны торговаться. Это закон. — Он подумал. — У тебя есть нож. Хороший нож.

Анка сжала рукоять. Нож был отцовский — старый, с лезвием, сточенным до тонкой полоски, и рукоятью, обмотанной медной проволокой. Она сама затачивала его каждую неделю, сидя у очага, водя лезвием по ржавому обломку напильника. Звук был тонким, воющим — Лёнька зажимал уши. Нож был ей дорог. Но Лёнька дороже.

Она сняла нож с пояса и протянула старейшине. Тот взял его, осмотрел — повертел в когтистых пальцах, проверил баланс, попробовал лезвие на когте. Кивнул.

— Иди. Твой брат ждёт.

Анка побежала обратно.

4

Она опоздала.

Три дня она поила Лёньку настоем — горькой, вяжущей жидкостью, от которой его тошнило. Три дня сидела рядом, держала его за руку, вытирала пот со лба. На третий день кашель стал тише. Анка подумала: помогает. Она ошиблась.

Лёнька умер на рассвете. Просто закрыл глаза и затих. Его рука, которую она держала, стала холодной — сначала пальцы, потом ладонь, потом всё остальное. Анка держала её, пока холод не добрался до запястья. Тогда она отпустила.

Она сидела с ним до вечера. В землянке было тихо — только ветер выл над Пепельными полями да где-то далеко скрипел ржавый лист. Потом она встала и начала копать.

Земля была твёрдой, спекшейся — не земля даже, а спрессованная глина с вкраплениями ржавчины. Лопаты не было. Анка копала обломком арматуры. Через два часа её ладони были стёрты в кровь. Через три — могила была готова. Неглубокая, кривая, но достаточная, чтобы кислота не добралась до тела.

Она завернула Лёньку в материн плащ — старый, латанный, но ещё крепкий. Плащ всё ещё пах дымом и сухой плесенью — тем самым запахом безопасности. Положила ему под голову его любимую жестянку — он собирал их, редкие, довоенные, с выцветшими надписями. «Сгущённое молоко», — читала Анка по слогам, хотя не знала, что это зна-

чит. Знала только, что Лёнька любил эту банку — гладил её пальцами, представлял, что там внутри.

Опустила тело в яму. Засыпала землёй. Сверху положила ржавый лист — тяжёлый, с рваными краями, чтобы кислотный дождь не размыл могилу.

Постояла. Ветер трепал её волосы, бросал в лицо кислотную пыль. Она не плакала. Она разучилась плакать ещё когда умирала мать — слёзы кончились, как вода в засуху. Вместо этого она села на корточки и заговорила — в первый и последний раз, когда она говорила с мёртвым.

— Я найду место, где такие гайки делают. Я стану кем-то. Обещаю.

Голос был хриплым — от ветра, от пыли, от трёх дней молчания.

— Не знаю, слышишь ли ты меня. Но я обещаю. Ты не зря... ты не зря.

Она встала и пошла.

Куртку Лёньки она забрала. Куртка была ещё целой — грубая техничка, простроченная матерью по швам, с заплатой на левом локте и карманом, в котором Лёнька хранил свои жестянки. Пахла дымом и грибницей. Анка надела её поверх своей — получилось два слоя, теплее. И пошла на север.

С собой у неё было: полфляги воды, две полоски грибницы, амулет-гайка и нож. Нож она выменяла обратно у чешуйников на остатки плесневого настоя — когда поняла, что

Лёньке уже не поможет. Искра, тот самый молодой чешуйник, отдал нож молча. Анка встретила с ним взглядом и увидела что-то, чего не ожидала: понимание.

Она выбрала направление — север. Туда, по слухам, уходили караваны. Там была Вертикаль. Там были люди.

Она не знала, идёт ли она к смерти или к жизни. Она знала только, что на Пепельных полях оставаться нельзя.

Она шла.

5

Три дня спустя она стояла на гребне холма и смотрела на руины пригорода.

Ветер здесь был сильнее — он гулял между островами зданий, завывал в пустых оконных проёмах, нёс запах ржавчины и разлагающейся резины. Где-то скрипел металл — молотился на ветру обрывок провода, и звук был похож на плач. Анка поёжилась. Она не боялась темноты, не боялась тихушиков, не боялась кислоты. Но этот скрип — монотонный, бесконечный — действовал ей на нервы.

Внизу, в низине, среди ржавых остовов машин и покосившихся столбов, темнел вход в подвал с покосившейся табличкой. Анка прочла по слогам — мать научила её читать, сидя у очага долгими зимними вечерами, когда ветер выл снаружи, а внутри было тепло: «Шко-ла».

Школа. Она слышала это слово от отца. Место, где дети учились. До Катастрофы.

Там можно было переночевать. А за школой, дальше к се-

веру, начинался тракт — широкая полоса спекшейся грязи, по которой ходили караваны. Анка видела его с холма: тёмная лента, убегающая к горизонту, с рваными краями и глубокими колеями.

Она спустилась вниз. Шла осторожно, читая следы, как учил отец. Вот здесь прошёл чешуйник — три пальца с когтями, глубокий отпечаток. Вот здесь — тихушник, след почти невесомый, но глубокий у большого пальца. Старый след. Дня два, не меньше. Свежих не было. Это хорошо.

Она вошла в школу. Внутри было темно, и воздух был плотным от запаха мокрого бетона и тины. Где-то капала вода — мерный, ритмичный звук. Анка зажгла фонарик — старый, с треснувшим стеклом, найденный в руинах заправки год назад. Луч выхватил из темноты коридор, заваленный обломками парт — дерево истлело, металл проржавел. На стенах — выцветшие плакаты с буквами. Анка прочла: «А», «Б», «В». Дальше буквы расплылись.

Она вошла в класс. На полу лежал скелет в истлевшей одежде, скрюченный в позе эмбриона. Череп повернут к двери, пустые глазницы смотрели на Анку. Она перешагнула через него — осторожно, стараясь не задеть. Села в углу, прижавшись спиной к холодной стене.

Она думала о Лёньке. О том, как он собирал жестянки — находил их в руинах и приносил домой, сияя. О том, как улыбался, хотя ему было больно. О том, что она не успела.

Она не плакала. Она не умела.

Вместо этого она достала дневник — старую тетрадь в клеёнчатой обложке, потрёпанную, с загнутыми уголками, найденную в том же подвале, где мать пряталась от бури. Достала огрызок карандаша — короткий, заточенный с двух сторон. И записала — медленно, выводя каждую букву:

«Лёнька умер. Я одна. Иду на север. Если не дойду — значит, так».

Закрыла тетрадь. Клеёнчатая обложка была холодной и чуть липкой. Прижала к груди амулет-гайку — металл был холодным, и острые грани впивались в ладонь, как в тот день, когда отец дал его ей.

Она закрыла глаза и уснула.

Снаружи выл ветер. Где-то далеко скрипел ржавый лист. В коридоре капала вода. Мальчик, который собирал жестянки, остался под ржавым листом, и никто, кроме Анки, не знал, где его могила.

Завтра — тракт.

Завтра — дальше.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 2. ДОРОГА

1

Анка шла на север.

Три дня прошло с тех пор, как она похоронила Лёньку. Три дня одиночества. Она шла ночами, когда кислотная пыль оседала и воздух становился чище — насколько вообще может быть чистым воздух в Запретке. Днём пряталась:

в подвалах, в остовах машин, в норах, вырытых чешуйниками. Спала урывками, по два-три часа. Ела грибницу, которую собирала по пути — сухую, безвкусную, царапающую горло. Пила из луж, фильтруя воду через ткань — медленно, капля за каплей, и каждая капля была на вес золота. Вернее, на вес жизни. Золото в Запретке ничего не стоило.

На четвёртый день она вышла к школе.

Здание стояло на окраине мёртвого посёлка — длинное, приземистое, с выбитыми окнами и провалившейся крышей. Над входом висела табличка с выцветшими буквами. Анка прочла по слогам: «Шко-ла». Школа. Отец говорил, что до Катастрофы здесь учились дети. Она попыталась представить, как это было — много детей, светлые комнаты, голоса. Не смогла. Её детство пахло дымом и грибницей.

Она вошла внутрь. В коридоре было темно, пахло мокрым бетоном и тиной. Где-то капала вода — мерный, ритмичный звук, от которого хотелось спать. Она зажгла фонарик — старый, с треснувшим стеклом, найденный в руинах заправки год назад. Луч выхватил из темноты обломки парт, ржавые остовы шкафчиков, выцветшие плакаты на стенах с буквами «А», «Б», «В».

Она села в углу класса, прижавшись спиной к холодной стене. Достала дневник и записала:

«Нашла школу. Ночую здесь. Завтра — дальше».

И вдруг услышала звук.

Не ветер. Не капанье воды. Что-то другое — тихое, шур-

шащее. Как будто кто-то осторожно ступал по обломкам.

Она погасила фонарик и замерла.

Тихушник.

2

Он вошёл в класс бесшумно — босые ноги с мягкими подушечками ступали по битому бетону, не издавая ни звука. Анка видела его силуэт в дверном проёме: высокий, тощий, с непропорционально длинными руками. Кожа — серая, с синеватым отливом. Глаза — широко расставленные, немигающие. Он не смотрел на неё. Он принюхивался.

Тихушники почти слепы. Но они слышат сердцебиение за десять метров.

Анка замерла. Не дышать. Не думать. Стать камнем. Отец учил: «Когда тихушник рядом — ты не человек. Ты — предмет. У предмета нет запаха. У предмета нет страха. Страх пахнет. Кислотой пахнет, потом пахнет. Тихушник чувствует страх за версту».

Тихушник повернул голову в её сторону. Его ноздри — длинные, щелевидные — раздувались. Он щёлкал языком — сухой, ритмичный звук, похожий на стук камешков. Эхолокация. Он прощупывал комнату звуком, и каждый щелчок отдавался у Анки в висках.

Она не дышала. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на всю школу. Но она не двигалась. Рука медленно поползла к поясу. Нож. Отцовский нож с рукоятью, обмотанной медной проволокой.

Тихушник шагнул ближе. Ещё ближе. Он прошёл в полуметре от неё — она чувствовала запах его кожи: сухой, как старая плесень, и что-то ещё, металлическое. Он не видел её. Он искал. И пока не находил.

Но когда он повернулся, чтобы уйти, его рука задела её плечо.

Анка ударила.

Нож вошёл в основание черепа — туда, где позвоночник соединяется с головой. Отец говорил: «Бей в шею. Там нет кости, только хрящ. Лезвие пройдёт как в масло». Лезвие прошло. Тихушник дёрнулся и замер. Анка отскочила, выдёргивая нож. Тело рухнуло на пол — глухо, мешком.

В коридоре было тихо. Больше никого. Одиночка. Разведчик. Если бы он был не один — они бы уже напали.

Анка стояла, тяжело дыша. Нож в руке дрожал. Она смотрела на тело у своих ног — длинное, неестественно гибкое. Из раны на шее текла кровь — тёмная, почти чёрная, с металлическим запахом.

Первое убийство.

Она не чувствовала ни страха, ни торжества. Только пустоту. И странное, неожиданное спокойствие. Как будто что-то внутри неё встало на место. Что-то, что она всегда знала о себе, но не хотела признавать.

Она наклонилась и обыскала тело. В поясной сумке — банка тушёнки. Старая, довоенная, с выцветшей этикеткой. Срок истёк тридцать лет назад. Анка открыла её ножом.

Внутри было мясо. Настоящее мясо. Она ела его руками, сидя на корточках рядом с трупом, и не чувствовала вкуса. Только голод.

Это был её пир.

3

На следующий день она вышла к болоту.

Оно начиналось незаметно — спекшаяся грязь стала мягче, потом влажной, потом хлюпающей. Анка шла осторожно, прощупывая дорогу палкой. Отец учил: «Болото — не земля и не вода. Оно жрёт и то, и другое. Не верь глазам. Верь палке».

Палка уходила в жижу на полметра. Анка обходила опасные места. Но одно пропустила.

Нога ушла в трясину по колено. Жижа была холодной и густой, как мазут. Анка рванулась, но только провалилась глубже. Вторая нога тоже ушла. Она ухватила за корень — сухой, ломкий. Корень треснул. Она ушла по пояс.

Жижа пахла кислотой и гнилью. Она обжигала кожу — не сильно, но ощутимо, как крапива. Анка рванулась снова, и на этот раз выбралась — выползла на твёрдую землю, хватая ртом воздух, дрожа.

Она обернулась. Куртка Лёньки — та, что была на ней поверх своей, — дымилась. Кислота разъедала ткань. На глазах у Анки грубая техничка пузырилась, шипела и растворялась, превращаясь в рыжую кашу. Через минуту от куртки ничего не осталось.

Анка смотрела на это молча. Последняя вещь Лёньки ушла в болото. Она осталась в одной рубашке — грязной, рваной, но своей.

Она встала и пошла дальше.

4

Тракт она увидела с холма.

Широкая полоса спекшейся грязи, убегаящая к горизонту. По ней шли машины — она видела свежие колеи, глубокие, с рваными краями. Пахло соляжкой и ржавчиной. Где-то далеко, на самом краю видимости, поднимался столб пыли.

Караван.

Анка побежала. Ноги, стёртые в кровь, гудели. Лёгкие жгло от кислотной взвеси. Но она бежала — спотыкаясь, падая, снова вставая. Пыль приближалась. Уже можно было различить машины — два грузовика с прицепами, обшитые ржавыми листами брони. На бортах — пулемёты. На крышах — турели. За ними — мотоциклы с колясками. Караван Вертикали.

Она выбежала на дорогу и замахала руками.

Головной грузовик остановился. Из кабины выглянул человек — пожилой, с обветренным лицом и седой щетиной. На плече — нашивка Регулярного Корпуса. Сержант.

— Ты откуда, чучело? — спросил он, оглядывая её. Голос был хриплым, прокуренным, но не злым.

— С востока. Пепельные поля.

— Пепельные? — Он присвистнул. — Там же никто не

живёт.

— Я жила.

Сержант покачал головой, и в этом жесте было что-то среднее между уважением и жалостью.

— Возьмите, — сказала Анка. — Я отработаю.

— Что ты умеешь?

— Читать следы. Торговаться. Выживать.

Сержант хмыкнул.

— Залазь. Не воруй — пристрелю. — Он помолчал и добавил: — За проезд — две Марки. Или десять СВ. Нет денег — отработаешь на месте. Там разберутся.

Анка кивнула. Она не знала, что такое Марки и СВ, но запомнила слова. Две Марки. Десять СВ. Она будет должна. Это нормально. Долг — это петля, но петлю можно разорвать. Отец говорил: «Долг — это не навсегда. Это просто цена».

Она забралась в кузов. Там сидели ещё трое. Мужчина с кислотными ожогами на лице — розовыми, блестящими, стянувшими кожу так, что один глаз всегда был полузакрит. От него пахло гарью и потом. Он сидел, обхватив колени руками, и раскачивался — вперёд-назад, вперёд-назад. Анка узнала этот ритм. Так раскачиваются люди, которые слишком долго были на грани.

Рядом с ним — женщина с младенцем, закутанным в обрывок брезента. Младенец хныкал — тонко, жалобно. Женщина прижимала его к груди и что-то напевала — без слов,

просто мелодию. У неё были потрескавшиеся губы и пустые глаза, но голос был мягким, почти нежным. Она пахла молоком и страхом.

В углу сидел старик. Совсем седой, с длинной бородой, в которой запутались крошки грибного хлеба. Он смотрел в одну точку и не двигался. Только пальцы — длинные, узловатые — мелко подрагивали, как будто он что-то перебирал в уме. Может быть, молитву. Может быть, счёт.

Анка села в угол, подальше от всех, прижавшись спиной к холодному металлу. Грузовик тронулся. За бортом проплывали руины, болота, поля. Впервые за много дней она не шла. Она ехала.

Она закрыла глаза и уснула.

5

Ей снился Лёнька.

Он сидел на корточках у ржавого листа и собирал жестянки. Одна, другая, третья. Он улыбался — не криво, как в последние дни, а широко, по-настоящему.

— Смотри, Анка, — говорил он. — Эта целая. И эта целая. И эта.

— Зачем они тебе? — спрашивала она.

— Чтобы помнить.

— Что помнить?

— Что еда бывает. Настоящая. Не только грибы.

Она протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но он отодвинулся — не сердито, просто так.

— Тебе пора, — сказал он. — А мне — сюда.

Он кивнул на ржавый лист, под которым лежал.

Анка проснулась. За бортом грузовика проплывали руины. Солнце — серое, размытое — клонилось к закату. Она достала дневник и записала:

«Меня подобрал караван. Сержант сказал — две Марки за проезд. Или десять СВ. Я не знаю, что это. Но узнаю. И заплачу. Я всегда плачу. Лёнька приснился. Он улыбался. Я не умею плакать. Но, кажется, я научилась».

Она закрыла тетрадь и прижала к груди амулет-гайку.

Впереди была Вертикаль.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

--

ГЛАВА 3. ВОРОТА

1

Вертикаль выросла из мглы на рассвете пятого дня.

Сначала Анка приняла её за гору — странную, неестественно ровную, уходящую в серое небо. Но гора не могла быть такой. Гора не могла блеснуть ржавыми боками в лучах мутного солнца. Гора не могла дышать — а эта дышала: из тысяч отверстий в броне поднимался пар, смешиваясь с облаками кислотной взвеси, и вокруг башни висело марево, как над раскалённым металлом.

Чем ближе подъезжал караван, тем больше Анка понимала: всё, что она знала о мире, было неправдой. Она думала, что люди живут в землянках и руинах. Что «поселение» —

это двадцать человек у старой насосной станции. Что «город» — это мёртвый пригород, где она пряталась в подвалах. Но это... это было за пределами её воображения.

Башня уходила в небо на километр, если не больше. Её нижние уровни опоясывали пристройки — склады, цеха, гаражи, слипшиеся друг с другом, как соты. Вокруг башни, насколько хватало глаз, кипела жизнь. Машины — десятки машин: грузовики, вездеходы, мотоциклы. Люди — сотни людей: они двигались между постройками, грузили ящики, перекрикивались, куда-то спешили. Пахло соляжкой, ржавчиной, дымом, потом. Звуки сливались в низкий, утробный гул, от которого вибрировало в груди.

Анка смотрела, вцепившись в борт грузовика. Её пальцы побелели. Она не знала, страх это или восторг. Может, и то, и другое.

— В первый раз? — спросил мужчина с ожогами. Его голос был глухим, как из бочки.

Она кивнула.

— Держись. Сейчас шлюз. Там не страшно. Там... по-другому.

— Как?

— Увидишь.

2

Грузовик въехал в огромный металлический ангар, пристыкованный к подножию башни. Ворота за ним закрылись — тяжёлые, ржавые, с лязгом, от которого заложило уши.

Свет померк. Анка зажмурилась, привыкая к полумраку. Пахло железом, машинным маслом и чем-то ещё — резким, химическим. Так пахло в землянке, когда мать жгла плесень для настоя. Но здесь этот запах был гуще, плотнее, он забивал ноздри и оседал на языке.

Шлюз.

Она слышала это слово от отца. Место между мирами. Вход в Вертикаль.

— Выходим! — крикнул сержант.

Анка прыгнула на бетонный пол. Ноги загудели — после долгой езды тело отвыкло от твёрдой земли. Бетон был холодным, в трещинах, из которых сочилась ржавая вода. Вдоль стен тянулись трубы, опутанные проводами. Под потолком горели лампы — тусклые, жёлтые, но всё равно ярче всего, что она видела в Запретке.

Их выстроили в очередь. Мигранты, соискатели, ничьи — такие же, как Анка. Человек пятнадцать. Все грязные, измученные, с испуганными глазами. Кто-то кашлял, кто-то молчал, кто-то молился — шёпотом, беззвучно.

— Первый этап — карантин! — объявил сержант. — Сдать оружие, ценности, еду. Всё, что есть. Потом — душ. Потом — медосмотр. Потом — допрос. Вопросы?

Вопросов не было. Или они были у всех, но никто не решился их задать.

Анка сняла нож с пояса и протянула сержанту. Тот взял его, осмотрел и присвистнул.

— Хороший нож. Старый. Вернём, если пройдёшь.

— А если не пройду?

— Тогда тебе уже ничего не понадобится.

3

Их раздели догола.

Анка стояла в длинной очереди, прикрываясь руками, и чувствовала, как холодный воздух касается кожи. Вокруг неё были другие — мужчины, женщины, старики. Все голые, все равные перед Вертикалью. Никто не смотрел друг на друга. Все смотрели в пол.

Медосмотр проводила женщина в белом фартуке поверх комбинезона. На лице — маска, на руках — резиновые перчатки. От неё пахло карболкой.

— Руки. Ноги. Повернись. Открой рот. Высунь язык. Нагнись.

Анка выполняла команды молча. Женщина осматривала её кожу, проверяла на чешую, на язвы, на споровые пятна.

— Откуда?

— Пепельные поля.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

Женщина подняла голову и посмотрела на неё.

— Врёшь. Шестнадцать, может, семнадцать.

— Восемнадцать, — повторила Анка твёрдо. — Я просто мелкая.

Женщина хмыкнула.

— Запишем семнадцать. Условно годна. Следующий.

Анка отошла, получив клочок бумаги с печатью. Она не знала, что значит «условно годна». Но это было лучше, чем «не годна». Она уже поняла: в Вертикали слова имеют цену.

Душ был кислотным — едким, обжигающим. Анка стояла под струёй, зажмурившись, и чувствовала, как с неё смывают Запретку. Грязь, пыль, пот, кровь — всё уходило в решётку под ногами. Она смотрела на воду — рыжую, мутную — и думала о том, что вместе с этой грязью уходит часть её самой. Может быть, та часть, которая хоронила Лёньку. Может быть, та, которая убила тихушника. Может быть, та, которая шла через болото.

Она не знала, кто выйдет из-под душа. Но это уже была не та Анка, которая проснулась в землянке пять дней назад.

Выдали одежду. Роба соискателя — грубая, серая, с номером на спине. Номер был длинным: 47-11-83. Анка провела пальцами по цифрам. Это было новое имя. Или, может, клеймо.

— СВ? — спросила она у женщины, которая выдавала робу.

— Социальная Валюта. Двадцать единиц на первое время. Потратишь — заработаешь. Вон там лавка. Купи, что нужно. Остальное — потом.

Двадцать СВ. Анка вспомнила слова сержанта: «Две Марки или десять СВ». Значит, СВ — это что-то вроде денег, но других. Она зашла в лавку — крошечное помещение, за-

ставленные ящиками. Купила паёк (5 СВ), кусок мыла (1 СВ) и дешёвый блокнот (2 СВ). Итого 8 СВ. Осталось 12.

Она считала. Она всегда считала.

4

Барак был огромным.

Длинное помещение без окон, с трёхъярусными нарами вдоль стен. Воздух был спёртым, густым от запаха сотен тел — пота, карболки, страха, дешёвого мыла. Лампы под потолком гудели и моргали. Где-то плакал ребёнок. Где-то спорили двое мужчин — глухо, на грани драки. Где-то кто-то кашлял тем самым кашлем, который Анка слышала у Лёньки.

Она нашла свою койку — верхний ярус, жестяной лист без матраса. Забралась наверх, упираясь босыми ногами в холодный металл перекладин, села, скрестив ноги. Сжала амулет-гайку под робой. Металл был холодным, и острые грани впивались в ладонь — привычно, почти успокаивающе.

Она смотрела на барак. Сотни тел. Сотни судеб. Люди ели, спали, разговаривали, ссорились. Кто-то играл в кости на нижнем ярусе — кости стучали о жестяной лист. Кто-то читал книгу — потрёпанную, без обложки. Кто-то просто лежал и смотрел в потолок.

Анка достала дневник и записала:

«Я внутри. Здесь пахнет химией и людьми. У меня есть койка и номер. Я — соискатель. Это лучше, чем быть мёртвой».

Она закрыла тетрадь и прижала к груди амулет-гайку. Во-

круг гудел барак. Где-то далеко, в недрах Вертикали, билось сердце реактора — низкий, ритмичный гул, от которого дрожал металл. Анка слушала его и думала о том, что у неё больше нет ножа, нет куртки Лёньки, нет ничего, кроме амулета, дневника и двенадцати СВ.

Но она была жива.

И она была внутри.

5

Ночью её разбудил шёпот.

Две женщины на нижнем ярусе говорили о чём-то вполголоса. Сначала Анка не слушала — она привыкла отключаться от шума. Но потом до неё долетели слова, от которых она замерла.

— ...Грыз. Он даёт в долг. Двадцать процентов. Берёшь сегодня, отдаёшь через месяц. Если не отдашь — пеня. Он страшный человек. Но честный. С ним можно работать.

— А у меня ничего нет. Что я ему дам в залог?

— Себя. Ты же соискатель. У тебя есть СВ. Если ты не заплатишь — он перепишет твой долг на твою работу.

Голоса стихли. Анка лежала и смотрела в потолок. Грыз. Долг. Проценты. Это были новые слова. Но она уже понимала: в Вертикали всё стоит денег. Вода. Еда. Койка. Даже воздух, кажется, имеет цену. И те, у кого есть деньги, правят. А те, у кого их нет, — платят.

Она достала дневник и записала ещё одну строчку — в темноте, на ощупь:

«Здесь тоже есть хищники. Просто они в одежде».

Потом закрыла глаза и уснула.

Ей снился Лёнька. Он стоял у ворот Вертикали и махал ей рукой. В другой руке он держал свою любимую жестянку.

— Смотри, Анка, — говорил он. — Эта целая. Я её сохранил.

— Зачем? — спрашивала она.

— Чтобы ты помнила.

— Что помнить?

— Что ты — это ты. Не номер. Не соискатель. Ты — Анка. С Пепельных полей.

Она проснулась на рассвете. В бараке было тихо — все спали. Где-то далеко билось сердце реактора. Анка прижала амулет-гайку к груди и смотрела в потолок, пока не прозвучал сигнал подъёма.

Первый день в Вертикали начался.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 4. УТИЛЬ

1

Подъём был резким.

Сигнал — прерывистый гудок, от которого завибрировал металл под головой, — ворвался в сон, как удар. Анка открыла глаза и увидела перед собой ржавый потолок. Не глиняный свод землянки. Не остов грузовика. Потолок из рифлёного железа, в разводах ржавчины, похожих на карту незнакомой местности.

Вокруг уже шевелились тела. Сотни тел. Барак оживал: скрип нар, кашель, приглушённая ругань, шлёпанье босых ног по бетону. Запах — густой, спёртый, из пота и карболки, — стал ещё плотнее. Анка спустилась с верхнего яруса, нащупывая босыми ногами холодные перекладины, и встала в строй.

Их повели на построение.

Уровень -3 встретил их запахом горелого пластика, кислоты и плесени — сладковатой, приторной, как гнилые грибы. Здесь было жарко, несмотря на сквозняк. Воздух был влажным и липким, он оседал на коже маслянистой плёнкой. Где-то в глубине цеха лязгал конвейер — ритмично, монотонно, как сердце больного зверя. Анка шла в колонне вместе с другими новичками, и каждый шаг отдавался в бетонном полу глухим эхом.

Цех был огромным. Ряды ржавых станков уходили в полумрак. Над ними горели тусклые жёлтые лампы, и в их свете кружилась пыль — мелкая, вездесущая, она забивалась в нос и скрипела на зубах. Конвейер — широкая лента из грубой резины — полз медленно, непрерывно. Люди стояли вдоль него и сортировали пластик. Их руки двигались быстро, машинально, как поршни. На лицах — усталость, тупая, бесконечная.

Бригадир ждала их у входа. Она была невысокой, но казалась огромной. Женщина лет пятидесяти, с лицом, изрезанным морщинами, как старая грибкажа. На правой щеке —

реакторная чешуя: серо-зелёные бляшки, поблёскивающие в свете ламп. Пальцы — узловатые, скрюченные. Голос — хриплый, как скрежет ржавого металла.

— Новички, — сказала она, обводя строй взглядом. — Слушать сюда. Я — бригадир Ломакина. Для вас — «тётя Лома». Норма — пятьдесят кило пластика за смену. Кто не выполнит — штраф. Кто выполнит — паёк и СВ. Кто переполнит — премия. Работаем молча. Разговоры — в перерыв. Вопросы?

Вопросов не было. Анка знала: вопросы здесь не любят.

Их распределили по местам. Анке достался край конвейера — узкое место между двумя ржавыми станинами. Здесь было тесно, и она то и дело задевала локтями металл. На руки выдали перчатки — грубую резину, пахнущую химией, с заплатками на пальцах. Перчатки были велики, и Анка затянула их обрывком проволоки. Конвейер дёрнулся и пополз. Первая партия пластика — обломки бутылок, куски канистр, оплавленные крышки — поплыла мимо неё.

Анка начала сортировать.

2

Работа была монотонной и тяжёлой. Пластик нужно было разделять по цвету и типу: прозрачный — в левый бункер, цветной — в правый, чёрный — в отдельный ящик для переплавки. Ошибка стоила штрафа. Анка работала молча, быстро, не поднимая головы. Руки гудели. В висках стучало.

Конвейер не останавливался. Он полз и полз, как беско-

нечная река из мусора. Через час Анка перестала чувствовать пальцы. Через два — спину. Через три — время. Она превратилась в автомат: взять, осмотреть, бросить. Взять, осмотреть, бросить. Мысли исчезли. Остался только ритм.

В перерыве она села на корточки у стены и закрыла глаза. Рядом кто-то кашлял. Кто-то пил воду из фляги — жадно, захлёбываясь. Кто-то молча сидел, глядя в одну точку. Анка сжимала амулет-гайку под робой и дышала. Металл был холодным. Это помогало.

После перерыва — снова конвейер. Смена длилась двенадцать часов. Когда прозвучал сигнал окончания, Анка не сразу поняла, что это значит. Она продолжала сортировать, пока бригадир не коснулась её плеча.

— Всё, новенькая. Шабаш.

Анка подняла голову. Лицо бригадира было совсем рядом. Анка видела, как блестит чешуя на её щеке в свете ламп — каждая бляшка была похожа на крошечный панцирь. От бригадира пахло машинным маслом и табаком.

— Твоя норма — шестьдесят два кило, — сказала Ломакина. — Сто двадцать процентов.

— Это хорошо? — спросила Анка.

— Это странно. — Бригадир хмыкнула. — Новички обычно едва до сорока дотягивают.

— Я привыкла работать.

— Вижу. — Ломакина помолчала, разглядывая её. — Не надорвись.

Она отошла. Анка смотрела ей в спину и думала, что это был первый раз, когда кто-то в Вертикали сказал ей что-то похожее на заботу. Может быть. Или, может быть, это была просто констатация факта.

Конфликт случился в раздевалке.

Анка сидела на лавке, стаскивая перчатки. Пальцы ныли, спина гудела. Она думала о четырёх СВ в кармане и о том, что завтра нужно сделать не шестьдесят два, а шестьдесят пять. Не потому, что надо. Потому что она может.

— Эй, новенькая.

Она подняла голову. Перед ней стоял мужчина — лет тридцати, коренастый, с бычьей шеей и маленькими злыми глазами. На правой руке — шрам от кислотного ожога, розовый и блестящий. На левой — кастет из ржавого железа. От него пахло потом, перегаром и агрессией — этот запах Анка узнала бы из тысячи. Так пахли те, кто привык брать, а не зарабатывать.

— Чего тебе? — спросила она ровно.

— Говорят, ты сто двадцать процентов сделала. — Он сплюнул на пол. — Это моя норма была. Моя. Я тут три года вкалываю, а приходит какая-то... с Пепельных полей и забирает премию.

— Я не забирала. Я заработала.

— Заработала она. — Он шагнул ближе. — Ты здесь никто. Соискатель. Номер. А я — местный. Поняла? Будешь высовываться — я тебя сломаю.

Анка посмотрела на него. На его кастет. На его бычью шею. На его злые глаза. Потом встала. Она была ниже его на голову и легче раза в два.

— Ты меня не сломаешь, — сказала она тихо.

— Чего?

— Ты слышал.

Он замахнулся. Анка не отступила. Она смотрела ему в глаза и ждала. Отец учил: «Если противник сильнее — не дерись. Но и не беги. Стой. Смотри. Жди. Сильные не привыкли, что на них смотрят без страха. Это их путает».

Мужик замер. Его кулак повис в воздухе. В раздевалке стало тихо — остальные рабочие обернулись.

— Убери руку, — сказала Анка. — Или я тебя сломаю. Не сейчас. Не здесь. Но однажды ночью. В бараке. Когда ты уснёшь. Ты же спишь когда-нибудь?

Он смотрел на неё. Его глаза — злые, маленькие — дрогнули. Он что-то увидел в её лице. Может быть, пустоту. Может быть, правду. Может быть, отражение собственного страха.

Он опустил кулак.

— Сука, — сказал он. — Ты ещё пожалеешь.

Он развернулся и вышел. Анка проводила его взглядом. Сердце колотилось где-то в горле, но лицо оставалось спокойным. Она научилась этому давно — ещё там, на Пепельных полях, когда тихушник прошёл в полуметре.

Она сжала амулет-гайку под робой.

«Здесь тоже есть хищники, — подумала она. — Просто они в одежде».

3

В конце смены — короткое построение. Раздача СВ. Анка получила три СВ — базовую ставку за смену. Плюс премия за перевыполнение: ещё одну СВ. Итого четыре. Она смотрела на четыре пластиковых жетона в своей ладони — они были лёгкими, почти невесомыми, с выдавленными цифрами. И думала: четыре СВ. Это меньше, чем она потратила вчера. Но это начало.

В бараке она села на свою койку и достала дневник. Руки дрожали — не от страха, от усталости. Она записала:

«Работаю. Норма — 50 кг. Сделала 62. Дали 4 СВ. В раздевалке подошёл один. Угрожал. Я сказала — сломаю его ночью. Он поверил. Я бы не смогла. Но он поверил. Это главное. Мало. Но я не тороплюсь. Завтра — ещё».

Она закрыла тетрадь и легла на спину. Металлический потолок был всё тем же — ржавым, с разводами, похожими на карту. Но теперь она знала: эта карта — её. Она будет читать её каждый вечер. И однажды она научится понимать, куда идти.

4

Через неделю она заметила Грыза.

Он не прятался. Он сидел в углу барака, на нижнем ярусе, за столом из ржавого листа, и к нему стояла очередь. Соискатели подходили, что-то говорили, он кивал или качал го-

ловой. Иногда доставал мешочек с СВ. Иногда — мятые расписки.

Анка наблюдала за ним несколько дней. Она не подходила. Она изучала.

Грыз был невысоким, щуплым. На вид — лет пятьдесят, может, больше. Одна рука была искалечена — пальцы скрючены, кожа в шрамах. Но вторая — целая, быстрая, с ухоженными ногтями. Он носил очки с треснувшей линзой, и когда он смотрел на собеседника, трещина делила его глаз пополам — на того, кто слушает, и того, кто считает. Он был похож на лавочника. Или на ростовщика. Или на хищника, который научился притворяться безобидным.

На восьмой день Анка подошла.

Очередь уже рассосалась. Грыз пересчитывал СВ — , — и его пальцы двигались с той особой ловкостью, которую даёт только многолетняя практика. Он поднял голову и посмотрел на Анку поверх треснувшей линзы.

— Новенькая. Сто двадцать процентов нормы. Уже неделю. И этот случай в раздевалке. Я слышал. — Он покачал головой. — Ты либо очень смелая, либо очень глупая.

— Я не глупая.

— Знаю. — Он помолчал. — Зачем пришла?

— Хочу спросить. Почему ты меняешь СВ на Марки с дисконтом тридцать процентов?

Грыз замер. Его пальцы перестали двигаться. Он снял очки, протёр их краем рукава — медленно, тщательно, — и

снова надел.

— Ты умеешь считать проценты?

— Нет. Научи.

Он долго смотрел на неё — изучающе, как она смотрела на него. Потом кивнул.

— Садись.

5

Анка села. Грыз достал лист бумаги — старый, с рваными краями, — и огрызок карандаша, сточенный с двух сторон.

— Процент — это доля. Одна сотая. Если ты берёшь сто СВ, а отдаёшь сто тридцать — это тридцать процентов сверху. Дисконт — это скидка. Если ты меняешь СВ на Марки, я беру комиссию. Тридцать процентов. Потому что Марки — это настоящие деньги. А СВ — это просто жетоны. Понимаешь?

— Понимаю. — Анка помолчала. — А если я хочу поменять Марки на СВ?

— Дисконт двадцать процентов в другую сторону.

— Почему? Это же одни и те же деньги.

— Нет. — Грыз улыбнулся, и улыбка у него была странная — не весёлая, а какая-то понимающая. — Марки можно вложить и получить прибыль. СВ — только потратить. Марки работают. СВ сгорают. Поэтому Марки дороже.

Он нарисовал на бумаге два круга. Один большой — Марки. Другой маленький — СВ. Из большого круга шли стрелки: в банк, в пай, на биржу. Из маленького — только в лавку.

— Деньги — это не бумажки, девочка. Деньги — это возможность. Возможность стоит дороже, чем хлеб.

Анка слушала. Она запоминала каждое слово. Они просидели до отбоя. Грыз рассказывал. Анка спрашивала. Он говорил о процентах, о паях, о бирже, о плече. Слова были чужими, но она вгрызалась в них, как в мясо. Она не понимала половины, но переспрашивала, пока не начинала понимать.

— Ты странная, — сказал Грыз, когда прозвучал сигнал отбоя. — Обычно соискатели приходят за деньгами. Ты пришла за знаниями. Зачем?

— Деньги кончаются. Знания — нет.

Грыз хмыкнул и покачал головой.

— Ты далеко пойдёшь, чешуйка. Если не сдохнешь.

— Я не сдохну.

— Знаю. — Он снял очки и потёр глаза. — У меня была дочь. Она тоже так говорила.

Анка молчала. Грыз смотрел в стену, и его лицо — обычно непроницаемое — вдруг стало старым и усталым.

— Её забрали, — сказал он тихо. — В другую Вертикаль. По программе обмена. Я коплю, чтобы выкупить её. Поэтому держу кабалу. Поэтому тридцать процентов. Я не злой, чешуйка. Я просто... отец.

Анка сжала амулет-гайку под робой.

— Я понимаю.

Грыз посмотрел на неё. И впервые за весь вечер в его глазах не было расчёта.

— Да, — сказал он. — Мне кажется, ты действительно понимаешь.

6

Ночью Анка лежала на своей койке и смотрела в ржавый потолок. Вокруг дышал, кашлял и стонал барак. Где-то далеко билось сердце реактора. Где-то плакал ребёнок. Где-то шептались двое — может быть, договаривались о сделке.

Она думала о Грызе. О его дочери. О тридцати процентах. О том, что даже ростовщик может быть отцом, а отец — ростовщиком. И то, и другое — правда. Мир не делился на хороших и плохих. Он делился на тех, кто выжил, и тех, кто нет.

Она думала о человеке в раздевалке. О его кастете. О его злых глазах. О том, как он опустил кулак. Она не знала, придёт ли он снова. Но знала: если придёт — она будет готова. Она всегда была готова.

Она достала дневник и записала — в темноте, на ощупь: «Грыз учит меня считать. Проценты, пай, плечо. Это сложнее, чем читать следы. Но интереснее. Он сказал: "Ты далеко пойдёшь, чешуйка. Если не сдохнешь". Я не сдохну. Я обещала Лёньке. Я обещала себе».

Она закрыла тетрадь. Прижала амулет-гайку к груди. И уснула.

Ей снился Лёнька. Он сидел у ржавого листа и считал жестики.

— Смотри, Анка, — говорил он. — Эта целая. И эта. И

эта.

— Я научусь считать, — отвечала она. — И однажды куплю всех.

— Кого — всех?

— Тех, кто не может сам.

Лёнька улыбнулся.

— Я знаю. Ты всегда платишь.

КОНЕЦ ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 5. ВЫБОР

1

Вербовщик пришёл на третий месяц.

Анка к тому времени уже знала всё об утиле. Знала, что норма в пятьдесят кило — это не предел, а проклятье: тот, кто делает больше, получает не благодарность, а зависть. Знала, что пластиковая пыль оседает в лёгких и через пять лет начинается кашель — не споровый, другой, медленный, но такой же смертельный. Знала, что из десяти соискателей, прибывших с ней в одном караване, трое уже уволились (ушли в другие цеха, может быть, на фермы), один умер (споровая лихорадка), а один пропал (говорили — сбежал в Запретку, говорили — списали за долги). Из тех, кто остался, никто не смотрел в будущее. Все жили днём. Все ждали чуда. Анка в чудо не верила. Она верила в расчёт.

Поэтому, когда в барак вошёл вербовщик, она слушала.

Он был из Регулярного Корпуса — молодой, но уже с нашивкой сержанта. Выправка, громкий голос, шрам через ле-

вую бровь — белый, старый. От него пахло оружейной смазкой и потом. Он встал посреди барака, расставив ноги, и заговорил — звонко, как на плацу:

— Соискатели! Слушай приказ Совета Операторов! Экспедиционный корпус объявляет дополнительный набор! Гражданство через два года! Полный паёк! Оружие! Трофейная доля! Риск — смерть! Кто готов — записываться у меня!

Барак загудел. Кто-то кричал: «Куда идти?» Кто-то качал головой: «Самоубийство». Кто-то просто молчал, прикидывая шансы.

Анка прикидывала.

Она вспомнила слова Грыза: «СВ сгорают. Марки работают». В утиле она зарабатывала четыре СВ в день. Это был потолок. Даже если перевыполнять норму каждый день — больше не дадут. За два года она накопит около трёх тысяч СВ. Это много. Но гражданство за СВ не купишь. Гражданство дают только через армию. Или через цеховой стаж — десять лет. Десять лет в утиле. Десять лет дышать пластиковой пылью, считать копейки и ждать, пока лёгкие откажут. Нет. Это не для неё.

Она встала и подошла к вербовщику.

— Что нужно?

— Имя, номер соискателя. Медкомиссия — отдельно. Если пройдёшь — зачисление в учебный лагерь. Три месяца подготовки — и в рейды.

— Какая плата?

Вербовщик усмехнулся.

— Жизнь. Это достаточная плата?

— Нет. — Анка смотрела ему прямо в глаза. — Я спрашиваю про деньги. Сколько Марок за рейд?

Вербовщик перестал улыбаться.

— Ты первая, кто спрашивает про деньги. Обычно спрашивают про паёк. Или про оружие. Или про шансы выжить.

— Я не обычная.

— Вижу. — Он помолчал. — Базовая ставка — тридцать Марок в месяц. Плюс премия за трофеи. Плюс боевые. Если повезёт — до ста Марок за рейд.

Сто Марок. Анка мысленно перевела в СВ. Даже с дисконтом Грыза это было целое состояние. За один рейд можно заработать больше, чем за год в утиле. За два года службы можно накопить на пай, на гражданство, на будущее. На то, чтобы выкупить Грыза. На то, чтобы стать кем-то.

Она кивнула.

— Записывай.

2

Вечером она пришла к Грызу.

Он сидел за своим столом, как всегда, но сегодня перед ним было пусто. Никто не занимал. Никто не просил в долг. Он пересчитывал свои кругляши — медленно, почти медитативно.

— Я ухожу, — сказала Анка.

Грыз не поднял головы.

— Знаю. Вербовщика все видели. — Он переложил кругляш из одной кучки в другую. — В армию?

— Да.

— Хорошо. — Он наконец посмотрел на неё. — В утиле ты сдохнешь. В армии есть шанс.

— Я вернусь.

— Знаю.

— И отдам долг.

Грыз замер. Его пальцы, державшие кругляш, дрогнули. Он медленно положил его на стол и посмотрел на Анку поверх треснувшей линзы.

— Ты ничего мне не должна, чешуйка.

— Должна. Ты меня научил. Знания стоят дороже денег. Ты сам говорил.

— Я говорил про проценты. Не про это.

— Про это — тоже.

Грыз долго молчал. Потом кивнул — коротко, отрывисто.

— Когда вернёшься — вытащи меня отсюда. Не деньгами. Деньги я и сам заработаю. Вытащи меня... — он запнулся. — Вытащи меня к людям. Я забыл, как это.

Анка сжала амулет-гайку под робой.

— Вытащу.

— Знаю. — Он снял очки и потёр глаза. — Иди. И... не сдохни там.

— Не сдохну.

Она повернулась и пошла к выходу. У двери обернулась.

— Грыз.

— Что?

— Как зовут твою дочь?

Он посмотрел на неё. В его глазах — старых, усталых — что-то дрогнуло.

— Катя. Её зовут Катя.

Анка кивнула и вышла.

3

Перед уходом она зашла в цех.

Бригадир Ломакина стояла у конвейера, проверяя бункеры. Когда она увидела Анку, её лицо — обычно суровое — на секунду смягчилось.

— Слышала. В армию?

— Да.

— Жаль. — Ломакина вытерла руки о фартук. — Ты лучшая была. За три месяца — ни одного штрафа. Странно.

— Я вернусь.

— Не обещай. — Ломакина покачала головой. — Там, в Запретке, обещания не работают. Там работают автоматы.

Она протянула руку. Анка посмотрела на неё — узловатые пальцы, ввевшаяся под ногти пластиковая пыль, чешуя на запястье. И пожала. Рукопожатие было крепким, сухим.

— Не сдохни, чешуйка, — сказала Ломакина.

— Не сдохну.

Это был первый раз, когда Анка услышала это прозвище от Ломакиной. До этого она была «новенькой». Теперь —

«чешуйка». Что-то изменилось. Может быть, она стала своей. Может быть, просто перестала быть чужой.

Она вышла из цеха и направилась к призывному пункту. В кармане у неё лежали четыре СВ, дневник и амулет-гайка. Больше у неё ничего не было. Но теперь у неё был план. Армия. Гражданство. Марки. А потом — свобода. Не только для себя — для Грыза, для таких, как он, для тех, кто застрял на нижних уровнях и не мог выбраться.

Она не знала, получится ли. Но она обещала.

4

Медкомиссию она прошла легко. Врачи осматривали её, щупали, слушали. «Здорова. Годна. В разведку? — Нет, слишком мелкая. В пехоту? — Да, в пехоту». Анка не спорила. Она знала: главное — попасть в армию. Остальное — потом.

Ей выдали направление в учебный лагерь. И новую робу — серую, с нашивкой «Рекрут». Она провела пальцами по буквам. Рекрут. Это было лучше, чем соискатель. И намного лучше, чем «никто».

Вечером она сидела на своей койке — последний вечер в бараке. Запах пота, карболки, страха. Скрип нар. Кашель. Гул реактора. Она слушала этот звук и думала, что будет скучать по нему. Он стал частью её жизни. Частью её самой. Три месяца — это мало. Но для неё это была вечность.

Она достала дневник и записала:

«Записалась в армию. Завтра — учебный лагерь. Лома-

кина назвала меня "чешуйкой". Грыз сказал — вытащи его к людям. Я вытащу. Я обещала Лёньке. Я обещала Грызу. Я обещала себе. Если вернусь — всё изменится. Если нет... значит, так».

Она закрыла тетрадь. Прижала амулет-гайку к груди. Металл был холодным. Она согревала его дыханием, как делала каждую ночь с тех пор, как умер Лёнька.

Ей снилась Вертикаль. Огромная, ржавая, живая. Она стояла у ворот и смотрела вверх. И где-то там, наверху, был свет.

5

Утром она ушла.

Учебный лагерь располагался на уровне 1 — перестроенный склад, где раньше хранили запчасти для реактора. Теперь здесь были казармы, стрельбище, полоса препятствий. Пахло потом, порохом и оружейной смазкой. Этот запах был резким, он забивал ноздри и оседал на языке. Анка вдохнула его полной грудью. Он пах иначе, чем утиль. Он пах действием.

Их построили во дворе — пятьдесят человек, мужчины и женщины, молодые и не очень, все в серых робах с нашивкой «Рекрут». Анка стояла в первом ряду, вытянувшись в струнку. Она не знала устава, но знала: когда стоишь в строю, стой прямо. Это уважение. К тем, кто командует. И к себе.

Сержант вышел из казармы. Он был невысоким, но казался огромным. На правой ноге он прихрамывал — старая ра-

на, плохо зажившая. На шее, поверх казённой рубы, висел жетон — не стандартный армейский, а самодельный, вырезанный из ржавого металла. Анка заметила это сразу. Она всегда замечала детали.

— Рекруты! — рывкнул он. — Я — сержант Корнеев! Для вас — «господин сержант»! Три месяца я буду делать из вас солдат! Те, кто выживут, получают автомат и право умереть за Вертикаль! Вопросы?

Вопросов не было.

— Отлично! Первое занятие — рукопашный бой! Разбиться на пары!

Анка огляделась. Остальные рекруты разбивались по двое — кто с другом, кто с соседом. Она стояла одна. И тут перед ней вырос парень — здоровый, рыжий, с добродушной улыбкой.

— Лёха. Шестой, — сказал он. — Потому что шестой в семье. Давай в пару?

— Давай.

Они встали друг напротив друга. Лёха был выше на голову и тяжелее раза в два. Но Анку это не пугало. Она знала: размер не главное. Главное — скорость. И ещё — знать, куда бить.

Сержант Корнеев ходил между парами, поправляя стойки, показывая приёмы. Когда он подошёл к Анке и Лёхе, то остановился.

— Рекрут, — сказал он Анке. — Ты какая-то мелкая. От-

куда?

— Пепельные поля.

— Там не выживают.

— Я выжила.

Корнеев хмыкнул.

— Посмотрим.

Он отошёл. Анка сжала кулаки. Она знала: здесь, в армии, всё будет иначе. Здесь нужно доказывать делом. Не словами. Не угрозами. Действием.

— Давай, — сказала она Лёхе. — Нападай.

Лёха замахнулся — и в следующую секунду оказался на земле. Анка провела приём, которому научил её отец ещё на Пепельных полях: болевой на горло, быстрый, невидимый глазу. Лёха хрипел и хлопал ладонью по земле.

Корнеев обернулся. Подошёл. Посмотрел на Лёху, на Анку.

— Повтори.

Она повторила. На этот раз — на другом рекруте. Тот упал так же быстро.

— Неплохо, — сказал Корнеев. — Кто учил?

— Отец.

— Хороший отец. — Он помолчал. — Как зовут?

— Анка.

— Фамилия?

— Нету. Просто Анка.

— Будешь «Чешуйка». Заслужила.

И пошёл дальше.

Анка стояла и смотрела ему в спину. Чешуйка. Сначала Ломакина. Теперь Корнеев. Что-то менялось. Может быть, она переставала быть чужой. Может быть, становилась своей.

6

Вечером она сидела на койке в казарме и писала в дневнике:

«Первый день в лагере. Сержант Корнеев назвал меня Чешуйкой. Я уложила двоих. Лёха Шестой — хороший парень. Кажется, мы подружимся. Завтра — стрельба. Я хочу научиться. Я хочу стать лучшей».

Она закрыла тетрадь и прижала амулет-гайку к груди. Металл был тёплым — она согрела его своим телом. Ей снился Лёнька. Он стоял на стрельбище и целился из автомата в ржавую мишень.

— Смотри, Анка, — говорил он. — Я попал.

— Ты молодец, — отвечала она.

— Я научился.

— Я тоже научусь.

— Я знаю. Ты всегда учишься.

Она проснулась затемно. В казарме было тихо — все спали. Где-то далеко билось сердце реактора. Анка лежала и смотрела в ржавый потолок. Завтра — стрельба. Завтра — ещё один шаг.

Она была готова.

КОНЕЦ ПЯТОЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 6. РЕКРУТ

1

Учебный лагерь пах потом, порохом и оружейной смазкой.

Этот запах стал фоном жизни Анки — таким же привычным, как когда-то запах дыма и сухой грибницы в землянке, как запах горелого пластика в утиле, как запах карболки в бараке. Она втягивала его полной грудью каждое утро, когда выбегала на построение, и он был ей приятен. Он пах целью.

Первый месяц был самым трудным. Их гоняли до изнеможения: кроссы по лестничным пролётам с полной выкладкой (двадцать кило на спине, и каждый килограмм через час казался тонной), отжимания на бетонном полу (холод проникал сквозь ладони до локтей), рукопашный бой до синяков (Анка считала синяки по вечерам — десять, двенадцать, пятнадцать). Сержант Корнеев не давал поблажек никому — ни мужчинам, ни женщинам, ни тем, кто падал без сил. Он просто стоял над упавшим и ждал, когда тот встанет. И падавший вставал. Потому что взгляд сержанта был страшнее усталости.

Анка не падала. Она была легче большинства рекрутов, но выносливее. Запретка научила её терпеть. Голод, холод, боль — всё это она уже проходила. Кросс с выкладкой был неприятен, но не смертелен. Смертельно было сидеть в землянке и смотреть, как умирает брат. После этого всё остальное казалось просто работой.

Она знала, зачем она здесь. Не только за гражданством. За деньгами. За будущим. Разведчики получают двойную премию за рейды — сто пятьдесят Марок вместо ста. За год можно накопить на пай. За два — на мастерскую. За пять — выкупить Грыза и ещё останется. Она считала каждую Марку ещё до того, как заработала. Это помогало бежать быстрее.

На второй месяц началась стрельба.

Их привели на стрельбище — длинный подземный тир, вырубленный в бетоне. Стены были покрыты ржавыми потёками и отметинами от рикошетов. Пахло порохом, разогретым металлом и озоном — этот запах был резким, почти электрическим, он забивал ноздри и оставался на языке. В конце тира, в свете тусклых ламп, стояли мишени — ржавые листы с намалёванными силуэтами. Инструктор, сухой мужчина с бельмом на левом глазу, раздал автоматы.

Анка взяла ВА-1 в руки. Автомат был тяжёлым — тяжелее, чем она ожидала. Металл был холодным и шершавым. От него пахло смазкой и чем-то ещё — может быть, старой кровью. Она провела пальцами по цевью, по ствольной коробке, по прикладу. Оружие. Настоящее оружие. Не нож, не палка, не камень. Автомат.

— Первое правило, — сказал инструктор. — Оружие — это продолжение тела. Если ты боишься его — ты труп. Если ты уважаешь его — ты солдат. Если ты любишь его — ты псих. Будьте солдатами.

Анка вскинула автомат к плечу. Приклад упёрся в ключи-

цу — тяжело, но удобно. Она заглянула в прицел. Мишень была далеко — пятьдесят метров, не меньше. Она нажала на спуск.

Выстрел.

Отдача ударила в плечо — резко, неожиданно. Анка покачнулась, но устояла. Запах пороха стал гуще, он окутал её, как облако. В ушах звенело. Она опустила автомат и посмотрела на мишень. Рваная дыра в левом краю.

— Неплохо для первого раза, — сказал инструктор. — Но недостаточно. Ещё.

Она выстрелила снова. И снова. И снова. Тридцать патронов. Тридцать выстрелов. Тридцать раз отдача била в плечо, и каждый раз она удерживала автомат. К концу стрельбы её руки дрожали, уши заложило, но она чувствовала странное, неожиданное удовлетворение. Она попала в мишень. Не в центр, но попала. В первый раз в жизни она выстрелила из автомата — и попала.

— Ещё, — сказала она себе. — Я научусь.

И она научилась.

2

На третьем месяце Анка уже была первой по стрельбе среди женщин и третьей среди всех рекрутов. Её пули ложились кучно — не в «яблочко», но близко. Инструктор хмыкал: «Если бы ты ещё и видела получше — была бы снайпером». Анка не спорила. Она не хотела быть снайпером. Она хотела быть солдатом.

Взвод, в котором она служила, был пёстрым. Тридцать человек — бывшие соискатели, цеховые рабочие, пара мигрантов из Запретки. Анка быстро нашла своё место. Она не лезла в лидеры, но и не пряталась. Работала. Стреляла. Училась. И постепенно замечала, как меняется отношение к ней.

Сначала была настороженность. Потом — уважение. Потом — прозвище.

«Чешуйка».

Оно прилипло к ней после того случая в рукопашной. Тот самый Злой — здоровенный парень по имени Дима, сын цехового мастера, считавший мигрантов «грязью», — не мог забыть, как она уложила его в первый день. Он ждал реванша.

И однажды вечером, после отбоя, он подошёл к её койке. — Эй, Чешуйка. Разговор есть.

Анка села. В казарме было темно — только аварийные лампы горели у выхода. Пахло потом, портянками и оружейной смазкой. Она смотрела на Диму и ждала.

— Я хотел извиниться, — сказал он.

Это было неожиданно. Анка молчала.

— Я тогда... ну, в первый день... я думал, ты просто грязь. С Пепельных полей. А ты... — он запнулся. — Ты не грязь. Ты солдат. Лучше многих. Я был неправ.

Анка кивнула.

— Принято.

— И всё?

— А что ещё?

Дима помолчал. Потом протянул руку.

— Мир?

Анка посмотрела на его ладонь — широкая, грубая, с мозолями от автомата. Пожала.

— Мир.

Он ушёл. Анка легла и закрыла глаза. Она думала о том, что человек, который называл её «грязью», только что попросил прощения. Это было странно. И это было правильно. Может быть, Вертикаль действительно меняла людей. Может быть, не всех. Но некоторых — да.

3

На третий месяц учёбы их вывели в имитацию Запретки. Это был трёхдневный выход — полоса препятствий, разбитая в руинах старого пригорода. Полуразрушенные здания, кислотные лужи, ржавые остовы машин. Всё как в настоящей Запретке, только без мутантов. Вместо них — инструкторы с холостыми патронами.

Взвод Анки выдвинулся утром. К вечеру они должны были занять позицию в старом депо и держать оборону. Но Анка заметила кое-что ещё на подходах.

— Здесь будет засада, — сказала она Корнееву.

— Почему?

Она указала на следы на грязи — свежие, едва заметные. И на ветер.

— Тихо. Слишком тихо. Птиц нет, крыс нет. И ветер дует

с востока, а не с юга. Здесь овраг — он меняет направление. Если зайти с запада, через овраг, нас не заметят.

Корнеев долго смотрел на неё.

— Откуда знаешь про ветер?

— Отец учил. На Пепельных полях ветер — единственное, что не врёт.

Корнеев кивнул.

— Веди.

Она повела взвод через овраг. Они обошли засаду и заняли позицию с тыла. Инструкторы, ждавшие их в засаде, были захвачены врасплох. Взвод Анки выиграл бой, не потеряв ни одного человека.

Вечером Корнеев подошёл к ней.

— Ты не просто солдат, Чешуйка. Ты — разведчица.

— Я просто читаю следы.

— Нет. Ты читаешь местность. Это другое. — Он помолчал. — Я напишу рекомендацию. В разведку. Если хочешь.

Анка сжала амулет-гайку под робой.

— Хочу.

Она знала, что это значит. Разведчики получают двойную премию за рейды. Сто пятьдесят Марок вместо ста. Год в разведке — и у неё будет достаточно, чтобы выкупить Грыза. Два года — и она сможет купить пай в Цехе Логистики. Три — и она станет кем-то. Не соискателем. Не номером. Пайщицей.

Четвёртый месяц. Экзамен.

Их вывели на настоящее стрельбище — не в тир, а в руины. Мишени были разбросаны среди обломков: одни статичные, другие — на пружинах, имитирующие движение. Нужно было пройти полосу, поразить все цели и вернуться.

Анка прошла.

Она двигалась как учил отец — бесшумно, перебежками, прижимаясь к стенам. Каждый выстрел был точным. Каждая цель поражена. Когда она вернулась на исходную, инструктор молча показал ей результат: девяносто восемь процентов попаданий. Лучший результат среди женщин. Третий — среди всех.

На построении сержант Корнеев вызвал её из строя.

— Рекрут Чешуйка. За отличные показатели в боевой подготовке и тактическое мышление рекомендована в разведку. С сегодняшнего дня — рядовой разведывательного взвода.

Он протянул ей жетон резервиста — металлический кружаш с гравировкой. И автомат ВА-1 — новенький, ещё пахнувший заводской смазкой.

Анка взяла его. Руки не дрожали.

— Служу Вертикали.

— Служи, Чешуйка. Служи.

Вечером она сидела на койке в казарме. Последний вечер в лагере. Завтра — в часть. Завтра — в разведку.

Она достала дневник и записала:

«Я — солдат. У меня есть автомат и жетон. Разведчики получают 150 Марок за рейд. Это почти вдвое больше, чем в пехоте. За год накоплю на пай. За два — выкуплю Грыза. За три — стану пайщицей. Я не тороплюсь. Но я считаю. Всегда считаю. Корнеев сказал: "Ты не из Запретки, Чешуйка. Ты из Вертикали". Может, так и есть. А может, я и то, и другое. Завтра — в разведку. Я готова. Лёнька, я иду дальше. Обещаю».

Она закрыла тетрадь. Прижала амулет-гайку к груди. Металл был тёплым. Она согрела его своим теплом.

Ей снились Пепельные поля. Они расстилались до horizon — серые, мёртвые, но почему-то не страшные. Там, вдалеке, стоял Лёнька и махал ей рукой.

— Ты идёшь? — спрашивал он.

— Иду, — отвечала она.

— Я знал. Ты всегда идёшь.

КОНЕЦ ШЕСТОЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЙ РЕЙД. ГОСПИТАЛЬ

1

Первый рейд начался с воя сирены.

Анка стояла в строю вместе с другими разведчиками — двенадцать человек, два отделения. Вокруг гудел гаражный уровень: механики заливали топливо в баки «Стрекозы» — лёгкого разведывательного вездехода, обшитого ржавыми листами брони, с турелью ДШК на крыше и кислотным плащом, свисающим с бортов, как обвисшая кожа. Рядом урча-

ли два мотоцикла с колясками — их называли «блохами» за мелкую дрожь на холостом ходу. Пахло соляжкой, разогретым металлом, оружейной смазкой и потом. Анка вдыхала этот запах и чувствовала, как внутри что-то сжимается — не страх, нет. Ожидание.

Командир взвода, лейтенант Шрам, стоял перед строем. Он был невысоким, коренастым, с лицом, изрезанным шрамами — один тянулся от виска до подбородка, пересекая губу, отчего казалось, что он всё время усмехается. Но он не усмехался. Он никогда не усмехался.

— Задача, — сказал он. Голос был глухим, как из бочки. — Разведка заброшенного госпиталя в секторе четыре. Сорок километров на северо-восток. По данным чешуйников, там склад медикаментов и рентгеновский аппарат. Наша цель — разведать, зачистить, забрать. Вопросы?

— Какое сопротивление? — спросила Анка.

— Предположительно — тихушники. Гнездо. Пять-шесть особей. Может, больше.

— Потери?

Шрам посмотрел на неё.

— Разведка без потерь не бывает. Но мы постараемся. — Он обвёл взгляд строй. — В головном дозоре — Чешуйка и Рыжий. Остальные — по машинам. Выдвигаемся через десять минут.

Анка проверила автомат — привычным движением, как учил Корнеев: магазин, затвор, предохранитель. Руки не

дрожали. Она сжала амулет-гайку под робой. Металл был холодным. Это помогало.

Рыжий — молодой парень с веснушками и вечно растрёпанными волосами — подошёл к ней.

— Первый рейд?

— Первый.

— Не ссы. Шрам — мужик суровый, но своих не бросает. — Он ухмыльнулся. — И ты тоже не ссы. Я слышал про тебя. Чешуйка. С Пепельных полей. Говорят, ты тихушника ножом завалила.

— Было.

— Ну вот. А тут их всего пять. Ерунда.

Анка не ответила. Она знала: в бою «всего пять» могут оказаться сотней. Или одним — но в самый неподходящий момент. Она помнила школу. Помнила, как стояла в темноте, не дыша, пока тихушник проходил мимо. Помнила, как нож вошёл в основание черепа. Тогда ей повезло. Сейчас нужно было не везение. Нужен был расчёт.

2

«Стрекоза» неслась через Запретку, подпрыгивая на ухабах. Анка сидела в головном дозоре, вцепившись в поручень, и смотрела вперёд. Ветер хлестал в лицо кислотной пылью. Запах солярки смешивался с запахом ржавчины. Мимо проплывали руины — остовы домов, покосившиеся столбы, ржавые машины.

Через два часа показался госпиталь.

Он стоял на окраине мёртвого города — длинное приземистое здание с выбитыми окнами и провалившейся крышей. Стены были покрыты подтёками ржавчины и плесенью. Вокруг — заросли сухой грибницы и остовы машин «скорой помощи» с выцветшими крестами на бортах.

Шрам поднял руку. Колонна остановилась.

— Чешуйка, Рыжий — вперёд. Проверить периметр.

Анка и Рыжий двинулись к зданию. Они шли молча, пригибаясь, держа автоматы наготове. Под ногами хрустело битое стекло. Пахло плесенью, старыми лекарствами и чем-то ещё — сладковатым, приторным. Так пахла гниющая плоть.

Они вошли через разбитое окно подвала. Внутри было темно и сыро. Лучи фонарей выхватывали из мрака обломки мебели, ржавые каталки, опрокинутые шкафы с медикаментами. Где-то капала вода. Где-то скрипел металл.

Анка шла первой. Она читала следы — как учил отец. Вот здесь прошёл тихушник: три пальца, глубокий отпечаток в пыли. Вот здесь — ещё один. Свежие. Совсем свежие.

— Контакт, — прошептала она в рацию.

И в этот момент они ударили.

3

Тихушники вынырнули из темноты — бесшумно, как всегда. Анка даже не заметила откуда. Первый прыгнул на Рыжего — тот вскрикнул и упал, автомат вылетел из рук. Когти вспороли бедро — глубоко, до кости. Кровь хлынула на бетонный пол — тёмная, почти чёрная в свете фонаря.

— Контакт! Контакт! — заорал кто-то в рации.

Анка не слушала. Она вскинула автомат и дала короткую очередь. Тихушник, рвавший Рыжего, дёрнулся и откатился. Второй прыгнул на неё — она ушла перекатом, чувствуя, как когти царапают воздух в сантиметре от лица. Выстрел. Ещё выстрел. Тихушник рухнул.

Рыжий хрипел. Кровь текла из раны — быстро, слишком быстро. Артерия.

— Шрам! Рыжий ранен! Артерия!

— Держитесь! Идём!

Анка оттащила Рыжего за опрокинутую каталку. Пережала артерию пальцами — как учили на медподготовке. Кровь была горячей и липкой, она текла сквозь пальцы, заливала рукав. Рыжий смотрел на неё мутными от боли глазами.

— Не бросай... — прохрипел он.

— Не брошу. Держись.

Она стреляла с одной руки — левой, непривычной, но автомат слушался. Ещё один тихушник выскочил из-за шкафа — она сняла его одиночным. Ещё один — с потолка, она даже не заметила, как он там оказался. Очередь. Мимо. Очередь. Упал.

В коридоре загрохотали шаги. Взвод Шрама ворвался в подвал. Автоматные очереди, крики, топот. Тихушники заметались — они не любили открытого боя. Шрам снял одного из подствольника. Ещё один упал под огнём пулемётчика. Через несколько минут всё было кончено.

Анка сидела на полу, прижимая пальцы к ране Рыжего. Руки дрожали. Она смотрела на его лицо — бледное, в веснушках. Он уже не хрипел. Глаза были открыты и смотрели в потолок.

— Рыжий, — сказала она. — Рыжий, ты слышишь?

Он не отвечал.

Подошёл Шрам. Опустился на корточки, проверил пульс. Покачал головой.

— Готов.

Анка отпустила артерию. Кровь больше не текла. Нечему было течь.

— Ты сделала всё, что могла, — сказал Шрам. — Больше, чем многие.

Анка не ответила. Она смотрела на свои руки — в крови, в пыли, в чём-то ещё. Руки, которые только что держали жизнь и не удержали.

Шрам поднялся.

— Зачистить подвал! Найти склад! Грузим всё, что есть!

4

Склад нашли в дальнем крыле. Медикаменты — несколько ящиков с ампулами, бинты, йод. И рентгеновский аппарат — старый, довоенный, но в рабочем состоянии. Шрам присвистнул.

— Это на пятьсот Марок тянет. Если не на тысячу. — Он повернулся к бойцам. — Грузите. Аккуратно.

Анка стояла в стороне. Она смотрела на ящики с меди-

каменными и думала о том, что если бы они пришли на час раньше, Рыжий был бы жив. Если бы она заметила засаду на минуту раньше. Если бы...

— Не казись, — сказал Шрам, подходя. — Первый бой — всегда дерьмо. Всегда потери. Ты держалась. Прикрывала его. Стреляла с одной руки. Я такое редко видел.

— Он звал маму, — тихо сказала Анка. — Перед тем, как умереть. Звал маму.

— Все зовут. — Шрам отвернулся. — Все.

Обратный путь был тихим. Вездеход тащился через Запретку. Рядом с Анной на полу кузова лежало тело Рыжего — завёрнутое в брезент. Она смотрела на него и не плакала. Она разучилась плакать. Но что-то внутри неё стало другим. Что-то затвердело.

Вертикаль встретила их сиреной — на этот раз не тревоги, а возвращения. Ворота открылись. Их ждали.

5

Вечером Анка сидела в казарме. Руки всё ещё дрожали. Она смотрела на свои пальцы — они были чистыми, она отмыла их трижды, но всё равно чувствовала кровь. Горячую, липкую.

Она достала дневник и записала:

«Рыжий умер. Я держала его руку. Он звал маму. Премия — 40 Марок на мой счёт. Плюс боевые — ещё 20. Итого 60 Марок за рейд. Это больше, чем я заработала бы в утиле за полгода. Но я не знаю, радоваться или плакать. Я не

плакала с тех пор, как похоронила Лёньку. Наверное, разучилась. Грыз говорил — деньги пахнут. Эти пахнут кровью. Я запомню этот запах. И когда-нибудь сделаю так, чтобы он больше не появлялся».

Она закрыла тетрадь и прижала амулет-гайку к груди. Металл был холодным. Как всегда.

Ей снился Рыжий. Он стоял у ворот Вертикали и улыбался. «Ты не бросила», — говорил он. «Я не бросаю», — отвечала она. «Знаю. Поэтому ты — Чешуйка».

На рассвете она проснулась. Руки больше не дрожали.

Она была готова к следующему рейду.

КОНЕЦ СЕДЬМОЙ ГЛАВЫ

ГЛАВА 8. БИРЖА

1

Центральный Расчётный Банк «Ковчег» располагался на уровне минус десять — в самом сердце Вертикали, куда Анка никогда не спускалась.

Здесь было холоднее, чем наверху. Холод проникал сквозь подошвы сапог, сквозь робу, сквозь кожу — глубокий, бетонный, пахнувший озоном и старой бумагой. Воздух был сухим и спёртым, он царапал горло. Под потолком гудели лампы — не жёлтые, как в бараке, а белые, резкие, от которых слезились глаза. Вдоль стен тянулись ряды металлических ячеек — сотни, тысячи пронумерованных дверец. Где-то щёлкали арифмометры. Где-то шипела пневмопочта, перебрасывая капсулы с документами по трубам, оплетавшим

потолок, как железные вены. Пахло озоном, старой бумагой и металлом — запах денег, которого Анка никогда не знала, но узнала сразу.

Она стояла в очереди — вместе с другими солдатами, цеховыми, механиками. Все пришли за одним: открыть счёт. У кого-то в руках были мятые пачки Марок — синие «синьки», зелёные «чешуи», красные «десятки». У кого-то — только пластиковые жетоны СВ, которые нужно было обменивать с дисконтом. Анка сжимала в кулаке платёжную ведомость — бумагу с печатью Регулярного Корпуса, в которой значилось: «Зачислить 60 Марок на счёт военнослужащего». Шестьдесят Марок. Её первый боевой заработок. Её кровь. Кровь Рыжего.

Очередь двигалась медленно. Анка разглядывала банк. Она никогда не видела столько металла в одном месте. Ячейки были стальными, с гравировкой — имена, номера, суммы. Некоторые были пусты. Некоторые — опечатаны. Она думала о том, что где-то здесь, может быть, лежат Марки Грыза. Или Ломакиной. Или Корнеева. Все они когда-то стояли в этой очереди. Все они когда-то открывали свой первый счёт.

— Следующий.

Анка шагнула к окошку. Кассир — немолодая женщина с реакторной чешуёй на руках и усталыми глазами — протянула руку за ведомостью.

— Так. Шестьдесят Марок. Первый счёт?

— Да.

— Имя.

— Анка.

— Фамилия?

— Нет. Просто Анка.

Кассир подняла голову и посмотрела на неё — долгим, изучающим взглядом. Потом кивнула и что-то записала в толстой книге.

— Номер счёта: 1147. Держите карточку. Потеряете — восстановление платное.

Анка взяла металлическую пластину. Холодную, гладкую. На ней было выбито: «1147». Она провела пальцами по цифрам. Это был её номер. Не соискателя. Не рекрута. Её собственный.

— Спасибо, — сказала она.

Кассир не ответила. Она уже обслуживала следующего.

Анка отошла от окошка и прижала карточку к груди, рядом с амулетом-гайкой. Металл к металлу. Теперь у неё было не только прошлое. Теперь у неё было будущее.

2

Биржа «Горизонт» располагалась на уровне пять — и это был другой мир.

Анка поднялась на лифте — старом, скрипучем, пахнущем машинным маслом, — и вышла в огромный зал. Здесь было шумно, душно, жарко. Воздух был густым от запаха пота, масла, мела и металла — терпкий, пьянящий коктейль. Под высоким сводчатым потолком горели лампы, заливая

всё резким, беспощадным светом. Люди кричали, размахивали руками, бегали между стойками. Где-то бил гонг — глухой, медный звук, отмечавший начало или конец торгов. Где-то трещали телетайпы, выплёвывая ленты с котировками. Стены были увешаны грифельными досками, на которых мелом писали цифры — цены на нефть, на медь, на тритий, — и мальчишки-посыльные стояли на стремянках, стирая и обновляя их каждые несколько минут.

Анка стояла у входа и смотрела. Она никогда не видела ничего подобного. Биржа бурлила, как котёл с кипящим маслом. Люди здесь двигались иначе — быстрее, резче, чем в цехах или бараках. Они были одеты в прорезиненные плащи поверх комбинезонов, и на поясах у них висели сумки с Марками. Анка заметила, что у многих на лицах было одно и то же выражение — смесь азарта и страха. Так, наверное, выглядели игроки в кости на нижних уровнях. Только здесь на кону стояли не жетоны. Здесь на кону стояли состояния.

Она прошла в центр зала. Здесь было углубление — «Масляная яма», как она услышала в разговоре двух трейдеров. Люди стояли по краям ямы, кричали, делали ставки. В центре, на возвышении, стоял аукционист — пожилой мужчина с зычным голосом, который перекрывал шум толпы. Он выкрикивал цифры, и каждый его выкрик вызывал новую волну криков.

Анка подошла к перилам и стала смотреть. Она не понимала и половины того, что происходило. Но она запомина-

ла. Слова, жесты, интонации. Как трейдеры смотрят на доски. Как они переглядываются перед сделкой. Как они прячут эмоции за каменными лицами. Отец учил её читать следы. Здесь следами были цифры.

Она заметила женщину. Та стояла у дальнего края ямы, не кричала, не размахивала руками — просто смотрела. На ней был прорезиненный плащ поверх лётного комбинезона, на поясе — сумка с Марками, на шее — защитные очки. Лицо обветренное, с глубокими морщинами у глаз. Волосы собраны в тугой пучок. На правой руке — татуировка: шестерня и капля масла. От неё исходила уверенность — та особая, спокойная уверенность, которая бывает только у людей, привыкших рисковать и выигрывать.

Анка не знала, кто она. Но она видела, как другие трейдеры поглядывают на неё с уважением. И как сама женщина смотрит на доски — не с азартом, а с холодным расчётом. Так смотрят не игроки. Так смотрят хищники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.